

тыхъ и слѣдующихъ годовъ). Сравненіе было всецѣло въ пользу новаго времени. Прежде всего, развитіе въ средѣ духовенства образованія сказывалось именно въ послѣдніа десятилѣтія. Въ старинное время даже въ Курскѣ и Кіевѣ мой родитель встрѣчался съ такими священниками и протоіереями, которые были весьма недостаточно образованы вообще и богословски, не читали почти никакихъ книгъ и т. под. По этому поводу покойный передавалъ немало характерныхъ разсказовъ; но не для того, чтобы осуждать людей прошлаго поколѣнія; но для того, чтобы съ радостью привѣтствовать новое время, когда образованіе, умственное и нравственное развитіе увеличивались, развивались и вели Курское духовенство къ совершенству.

Какъ радостно, говорилъ онъ, что теперь всѣ рѣшительно священники курскіе, о. протодіаконъ и псаломщики пишутъ и говорятъ проповѣди. А полвѣка тому назадъ таковыхъ было не болѣе 7—8. Остальные и „двухъ словъ сказать“ не могли.

О. Алексѣй рѣшительно указывалъ еще на перемѣну въ духовенствѣ къ лучшему, болѣе чистому и аккуратному одѣянію, къ лучшей, болѣе зажиточной жизни и т. под. Такъ напр. въ Курскѣ духовныя лица одѣвались какъ попало, носили смазные сапоги, сермяжныя рясы, отрепанныя и неряшливыя. И это не по недостатку средствъ, а по тому явленію, которое носить названіе „бурсацизма“. По этому поводу покойный о себѣ разсказывалъ слѣдующее. Ходилъ онъ (когда онъ былъ профессоромъ) въ Бѣлгородѣ въ семинарію въ нечищенныхъ сапогахъ и въ таковыхъ же вслѣдствіе небрежности прислуги сталъ появляться въ гимназію. Глядитъ, а всѣ учителя, не смотря на скромное тогда жалованье, получавшееся ими, являются всегда въ сапогахъ безукоризненныхъ. А тамъ (передавалъ покойный) директоръ сталъ косо посматривать на мои „порыжѣвшія бакхилы“, и пришлось позаботиться объ обуви и содержать ее въ полномъ